

А. Н. Ц а м у т а л и

СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО И ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.
(ОБЗОР СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Деятельность Северного общества и события, связанные с подготовкой и ходом восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге, занимают важное место в истории движения декабристов. Дальнейшая разработка этих проблем истории русского революционного движения на его первом, дворянском этапе требует подготовки как новых конкретно-исторических исследований, так и работ по изучению и обобщению существующей исторической литературы, посвященной декабристам, в особенности достижений советской историографии.

Советские историки уделили большое внимание изучению истории Северного общества и восстания 14 декабря. Прделанная ими работа рассматривалась и анализировалась в ряде очерков,¹ наличие которых существенно облегчает попытку составить обзор советской исторической литературы о Северном обществе и восстании 14 декабря 1825 г. Эта литература весьма значительна, в связи с чем в настоящей статье поставлена ограниченная задача — дать представление об общей тенденции, присущей разработке указанных тем и остановиться на отдельных проблемах, до сих пор являющихся предметом дискуссий. При этом главное внимание обращается на достижения, имеющиеся в советской исторической литературе, прямо или косвенно посвященной рассматриваемой проблеме.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение истории Северного общества и восстания 14 декабря пошло по пути, намеченному ленинской концепцией декабристского движения. Это направление исследовательской работы стало определяющим.

Так, уже в 20-е годы М. Н. Покровский пересмотрел свои прежние взгляды² (в своих дореволюционных работах он отрицал революционность движения декабристов в целом, а его участников представлял лишь защитниками интересов дворянства). Уже

в полемике с М. С. Ольминским, утверждавшим в статье «Две годовщины», что 14 декабря 1825 г. помещики вывели обманутых ими солдат на Сенатскую площадь во имя собственных интересов (и потому Ольминский считал нецелесообразным празднование столетия со дня восстания декабристов), Покровский, защищая декабристов, как «настоящих революционеров», писал: «Требовать от декабристов, чтобы они, кроме того, были еще и пролетарской партией — это все равно совершенно, что требовать, чтобы яблоки на яблонях поспевали в мае, когда яблоки поспевают только к августу или сентябрю».³ Покровский тем самым определенно эволюционировал в сторону ленинской оценки движения декабристов. Тем не менее некоторые ошибочные построения не были им еще полностью преодолены, что сказалось в первую очередь в его оценке деятельности Северного общества и восстания 14 декабря. Полемизируя с Г. В. Плехановым, считавшим восстание 14 декабря только жестом, и, казалось бы, стремясь придать большее значение этому событию, Покровский на деле интерпретировал роль и Северного общества, и самого восстания в духе своей схемы. Он пересмотрел и оценку роли С. П. Трубецкого: по его мнению, сторонники «революционной легенды» не прощали Трубецкому предательства, для сторонников «либеральной легенды» — «он был желанным аргументом в пользу „несерьезности“ декабристов». В представлении Покровского «Трубецкой был фактическим председателем „Северного общества“, северным Пестелем. . . он же держал в своих руках и все связи с „Южным обществом“». Рядом с таким Трубецким Рылеев, по Покровскому, «был самым живым, самым активным членом „северного заговора“, но вовсе не самым влиятельным до последних дней». Рылеева выдвинули на первое место, как считал Покровский, «прежде всего, конечно, фактически уже совершившаяся измена Трубецкого — в эти дни еще игравшего роль диктатора, но не бывшего им на деле, а затем, отчасти, и случайные обстоятельства». К ним Покровский относил прежде всего болезнь Рылеева, из-за которой члены Северного общества собирались у него на квартире. Трубецкой важен для Покровского как глава Северного общества прежде всего потому, что у него «был военный план». В глазах Покровского этот план — «действительно определенная программа действия — отнюдь не революционной манифестации, а действия, заключавшегося в давлении на власть». В этом Покровский усматривал радикальное отличие плана Трубецкого «от программы Пестеля, которая была программой и захвата власти». Противопоставляя таким образом толкуемые им программы Трубецкого и Пестеля, Покровский противопоставлял Южному обществу, тактику которого определяли «настоящие революционеры», Северное, глава которого — Трубецкой — служил олицетворением «хвостизма, ставшего впоследствии меньшевистской тактикой». В этих расхождениях, по Покровскому, — «весь спор „Великорусса“ и „Молодой России“, народовольцев и чернопередельцев, большевиков и меньшевиков».⁴ Позиция

Покровского, чье влияние в те годы в советской исторической науке было очень велико, сказалось на литературе тех лет. Ушла в прошлое трактовка восстания декабристов как «последнего дворцового переворота». Вышедшая именно под таким названием статья Б. И. Сыромятникова⁵ прозвучала резким диссонансом и не имела никакой поддержки. Вместе с тем изложенный выше взгляд Покровского на Северное общество не мог не наложить известного отпечатка на историографию той поры. Однако, по мнению С. Б. Окуня, Северному обществу все же «явно повезло в юбилейный период». «Хотя северяне и игнорировались некоторыми советскими историками 20-х годов и неизменно „выталкивались“ ими из „революционного круга“ декабристов, — писал С. Б. Окунь, — именно эта организация оказалась в центре внимания историков среднего и старшего поколений, недавно перешедших на позиции марксизма».⁶

К приведенному высказыванию С. Б. Окуня, несомненно содержащему интересные и верные наблюдения, следует сделать некоторые уточнения. Издания, выпущенные к 100-летию юбилею и уделившие значительное внимание именно Северному обществу, следует подразделить на две категории: исторические труды и публикации документов. Обратимся сначала к первым из них. К их числу принадлежат прежде всего книга Е. В. Сказина «Восстание 14 декабря 1825 г.» (М.; Л., 1925), монография А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 года» (М.; Л., 1926) и вошедшая в качестве приложения к монографии А. Е. Преснякова военно-историческая справка Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».⁷ Хочу обратить внимание на то, что все эти работы посвящены прежде всего истории восстания на Сенатской площади. Что же касается истории Северного общества, то его история в книге Сказина дается в очень сжатом виде, а в монографии Преснякова — в самых общих чертах. В военно-исторической справке Габаева указывалась принадлежность к Северному обществу гвардейских офицеров, служивших в гвардейских частях, расположенных в Петербурге и его окрестностях. Тем не менее с исторической точки зрения оценка деятельности Северного общества в этих работах безусловно имеет большое значение.

Обычно в перечне литературы, вышедшей к 100-летию восстания декабристов, на первом месте ставится монография Преснякова, и это вполне справедливо в том смысле, что она была наиболее значительным и по содержанию и по объему трудом, в котором в те годы рассматривалось восстание 14 декабря 1825 г. и анализировались события, ему предшествовавшие. В настоящей статье эта традиция нарушается. На первое место ставится работа Сказина, и делается это прежде всего в силу чисто хронологического подхода. Выход в свет книги Сказина помечен 1925 г., в то время как монографии Преснякова — 1926 г. К тому же книга Сказина обычно лишь упоминается в перечне вышедших в юбилейный год работ и подробно не рассматривается, хотя при небольшом своем объеме она содержит много интересных наблюдений и

суждений, а будучи первой из серии книг, посвященных восстанию 14 декабря, отразила и ряд важных моментов, свидетельствующих об особенностях подхода к движению декабристов в историографии двадцатых годов. Специальной главы или даже раздела о Северном обществе в книге Сказина не было. О нем шла речь в главах «Тайные общества декабристов», «Междоусарствие», «Подготовка восстания». Говоря о том, что Северное общество возникло «несколько позже» Южного, Сказин писал, что «организационная работа северян шла весьма медленно и лишь в конце 1823 г. положение общества несколько упрочилось». Дальнейшее развитие событий в его кратком изложении выглядело следующим образом: «Все время, однако, Северное общество и в отношении численности своей и в отношении подготовленности к активной революционной деятельности значительно отставало от Южного. Южное общество как бы тащило за собою на буксире северян. Приобретение такой крупной силы, каковую представлял собою Рылеев, мало изменило эту картину. Неудивительно поэтому, что бурные события конца 1825 года застали Северное общество совершенно неподготовленным к выступлению. Если восстание 14 декабря все-таки состоялось, то этому мы обязаны исключительно благоприятной обстановке, которую создало тревожное время междоусарствия».⁸

Оценка Северного общества, как бы походя данная Сказиным, интересна для нас в том отношении, что она перекликается с точкой зрения Покровского, но вместе с тем излагает ее как бы в смягченном виде. В ней присутствует свойственное Покровскому противопоставление Северного и Южного обществ, но оно не носит того категорического характера, с каким рассматривал «хвостизм» северян Покровский. Вообще Сказин избегает столь свойственных Покровскому сопоставлений, сравнений Северного общества с меньшевиками и тому подобного. В книге Сказина уже чувствуется тенденция к пересмотру точки зрения Покровского на деятельность Северного общества.

Как уже было сказано выше, книга Сказина касалась истории Северного общества вскользь, лишь постольку, поскольку эту тему необходимо было затронуть, излагая предысторию восстания 14 декабря 1825 г. В еще большей мере эта особенность была присуща исследованию Габаева с характерным подзаголовком: «Военно-историческая справка», где с большой тщательностью были представлены сведения об участниках восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. (как служивших в момент восстания в гвардии или других воинских и флотских частях, так и находившихся к тому времени в отставке, подобно Рылееву, Пущину, Каховскому). Габаев подчеркивает ограниченность поставленной перед ним задачи и пишет, что его труд «служит только дополнением военно-исторического и отчасти справочного характера к основному тексту А. Е. Преснякова». Он указывает также на то, что «при составлении очерка в основу было положено стремление к беспристрастному и спокойному отношению к событиям, рассматривая их действия не с политической, а с военной

точки зрения, по возможности учитывая особенности эпохи и психологию участников событий».⁹ В такого рода работе не было никаких сопоставлений Северного общества с Южным и т. п. Вместе с тем сама по себе «справка» Габаева, рассматриваемая и как самостоятельное исследование, и как приложение к монографии Преснякова, являла собой своеобразный историографический факт. Она как бы служила полной противоположностью работам Покровского, отличавшимся широкими обобщениями и зачастую известным пренебрежением к тщательному изучению и фактической стороны исследуемой проблемы.

А. Е. Пресняков в своей монографии благодарит Г. С. Габаева за предоставленные в его распоряжение собранные им материалы.¹⁰ Речь здесь, видимо, идет о более широком круге фактических данных, собранных Габаевым и затем предоставленных Преснякову, а не только о тех сведениях, которые вошли в опубликованную работу Габаева. Труд А. Е. Преснякова представлял собой основанное на большом круге источников глубокое и серьезное исследование, и в этом отношении, нисколько не умаляя кропотливой тщательной работы, проделанной таким большим и тонким знатоком военной истории, каким был Г. С. Габаев, надо признать, что его исследование действительно носило характер справки, приложенной к монографии «14 декабря 1825 года».

Северному обществу, его возникновению и деятельности вплоть до последних месяцев 1825 г. Пресняков отвел одну из глав своей монографии.¹¹ Он определял несколько периодов в деятельности Северного общества и обращал внимание на попытки Н. И. Тургенева возродить тайное общество в Петербурге после распада Союза благоденствия, но считал их завершившимися неудачей, воссоздание же общества в Петербурге связывал с именем Н. М. Муравьева, чья активность способствовала тому, что постепенно удалось возродить тайное общество. По мнению Преснякова, Муравьеву удалось сплотить группу «убежденных» на основе платформы предложенного им «конституционного устава».¹² Возникшее благодаря усилиям Никиты Муравьева Северное общество стало, писал Пресняков, выполнять роль опорного пункта для конституционного движения, в то время, как на юге «поднималось движение республиканское, окрашенное радикальным демократизмом и „якобинскими“ тенденциями Пестеля».¹³

Противопоставляя конституционалистские тенденции северян республиканизму южан, в противоборстве этих тенденций Пресняков рассматривал взаимоотношения Северного и Южного обществ.¹⁴ Усиление влияния Трубецкого в Северном обществе, как представлялось Преснякову, не внесло перемен в эти отношения, так как Трубецкой, подобно Никите Муравьеву, не мог столкнуться с Пестелем. В трактовке противоборства северян-конституционалистов и южан-республиканцев сказывалось известное влияние на концепцию Преснякова взглядов Покровского.

Однако, Пресняков порывал со схемой Покровского, обратившись к завершающему периоду деятельности Северного об-

щества, ознаменовавшемуся усилением влияния радикальной группы Рылеева. Пресняков писал: «Новая энергия в привлечении членов и общий подъем настроения вызваны были в отсутствие Трубецкого деятельностью К. Ф. Рылеева. Рылеев, молодой 24-летний поэт-романтик, настроенный на лад революционного романтизма и народолюбия, вступил в „северное общество“ осенью 1823 года и успел испытать обаяние яркой и решительной революционной мысли Пестеля. В работу пропагандиста-революционера он кинулся с кипучей энергией. . . когда Трубецкой уехал в Киев, именно Рылеев заменил его в трехчленной „верховой думе“. С вступлением Рылеева „северное общество“, можно сказать, нашло свою душу, приобрело ярко выраженные, типичные черты „декабризма“, как определенного культурно-исторического явления».¹⁵ Признание революционного характера, присущего Северному обществу на заключительном этапе его деятельности, существенно отличало концепцию Преснякова от схемы Покровского. Можно отметить различие между взглядом Преснякова, связывавшего с именем и деятельностью Рылеева революционизацию Северного общества, и точкой зрения Сказина, полагавшего, что «приобретение такой крупной силы, каковую представлял Рылеев, мало меняло картину».¹⁶ Как уже отмечалось выше, в книге Преснякова был ряд оценок, служивших данью господствовавшей тогда концепции Покровского. В частности, привел он и «меткое выражение» Покровского, гласившее, что события 14 декабря 1825 г. — всего лишь «революция-выкидыш».¹⁷ Однако, несмотря на такого рода уступки схеме Покровского, в монографии Преснякова Северное общество в конечном счете было представлено как организация, имевшая программу, проникнутую революционной направленностью. В целом работа Преснякова способствовала выработке более объективного взгляда на роль Северного общества в истории движения декабристов, способствовала преодолению схематизма, присущего концепции Покровского. «Несмотря на отдельные формулировки, являвшиеся данью широко распространенной отрицательной оценке северян, это исследование в сущности утверждало в советской литературе правильную концепцию о революционной направленности программы северной организации», — писал С. Б. Окунь.¹⁸ Монография А. Е. Преснякова явилась серьезным шагом по пути утверждения в советской исторической литературе взгляда на Северное общество, соответствовавшего марксистско-ленинской оценке движения декабристов.

Труд А. Е. Преснякова вызвал большой интерес со стороны историков. Большие достоинства книги были отмечены в рецензии, написанной М. В. Нечкиной. «Эрудиция, исследовательская привычка и точная научная аргументация автора предстают здесь в полном блеске», — писала она. В критической части рецензии отмечалось, что некоторые проблемы оказались оставленными без должного внимания. М. В. Нечкина отмечала «великое умение автора обходить спорные проблемы, или скользить по ним».

В частности, она считала нераскрытым такой важный вопрос, как отношение декабристов к возможному выступлению народных масс. Затрагивалась в рецензии и проблема использования источников по истории движения декабристов. Говорилось о необходимости более полного и глубокого использования архивных документов, в частности еще не опубликованных в те годы следственных материалов.¹⁹ Этот упрек имел известные основания: действительно, фактическую основу монографии Преснякова составляли материалы, извлеченные прежде всего из критически пересмотренных трудов его предшественников и мемуарной литературы. Тем не менее в конкретной историографической ситуации середины 1920-х гг. выход в свет монографии Преснякова был, как справедливо отмечалось, важным событием в процессе переосмысления советской исторической наукой роли Северного общества и восстания 14 декабря 1825 г. в истории движения декабристов.²⁰ Но если этот вклад А. Е. Преснякова в изучение истории Северного общества и восстания 14 декабря 1825 г. в современной историографической литературе признается бесспорным, то исследование другого историка — Н. Ф. Лаврова, — еще более, по сравнению с А. Е. Пресняковым, углубившего и обосновавшего в середине 1920-х гг. тезис о Северном обществе, как революционной организации, до сих пор по достоинству не оценено. Речь идет о вошедшей в состав сборника «Бунт декабристов» статье Н. Ф. Лаврова «Диктатор 14 декабря».²¹ Изданная отдельно эта статья составила бы книгу почти в 100 страниц, немногим даже большую по объему, чем, например, книга Сказина. Но дело не в объеме, а в содержании интересной работы Лаврова, почему-то получившей в историографии крайне одностороннюю оценку. Историки движения декабристов видели в статье Лаврова лишь удивлявшую и коробившую их попытку реабилитировать поведение Трубецкого 14 декабря 1825 г. Именно в этой связи профессор Окунь упоминал о работе Н. Ф. Лаврова в курсе своих лекций,²² но он же, С. Б. Окунь, большой знаток движения декабристов и исторических трудов по этой проблеме, обходит ее молчанием в уже не раз упоминавшейся статье «Движение декабристов в советской исторической литературе». Ничего не говорит о статье Лаврова и академик М. В. Нечкина в историографическом очерке, открывающем I том «Движения декабристов». Однако, если оставить в стороне спор об оценке поведения Трубецкого в день восстания, то в статье Лаврова можно найти много верных и тонких замечаний и наблюдений, относящихся к истории Северного общества. Обратившись к личности Трубецкого, Лавров создал одновременно и очень интересный очерк истории декабристских организаций, с которыми была связана судьба Трубецкого, в том числе и Северного общества. Статью Лаврова отличало тщательное использование вышедших в то время томов публикации «Восстание декабристов». В этом отношении она была основана на более широком круге источников, чем соответствующие главы монографии Преснякова. Кроме того, и это,

наверное, самое интересное, Лавров в своей статье выдвинул и наметил ряд важных положений, характеризующих деятельность Северного общества, его революционную направленность и т. п., положений, получивших впоследствии дальнейшее развитие в трудах советских историков, занимавшихся историей движения декабристов. Стремясь проследить, какая «углубленная работа по выработке политической идеологии и программы тактической деятельности» велась в «руководящих кругах Северного общества» еще на раннем этапе его существования, Лавров обращал внимание на то, что членам тайного общества «надо было переходить на новые рельсы». Что же касается существа этого перехода, то он, по мнению Н. Ф. Лаврова, состоял в следующем: «Надо было вместо прежнего большого по составу и сложного по формам пропагандистского Союза (благоденствия. — А. Ц.) создать конспиративную организацию, способную на революционный переворот. . . Словом, нужно было создать революционную политическую партию».²³ Полагая, что предварительная теоретическая работа была выполнена Н. М. Муравьевым и Трубецким, которыми были «продуманы основные программные вопросы», Н. Ф. Лавров обращает также внимание на то, что «работа как в области теоретических вопросов, так затем и в организации политической партии, происходила в условиях взаимного воздействия и борьбы с руководителем Южного общества Пестелем». При этом он пишет: «Неправильно поэтому думать, что лишь воздействие Пестеля вызвало к жизни организацию Северного общества, или полагать, доверившись несколько наивному утверждению Трубецкого, что он и его товарищи создали Северное общество только лишь с целью препятствовать деятельности Пестеля». Лавров считал, что организаторы Северного общества «выработали свою программу и стремились сделать ее, так же как и Пестель в отношении своей, обязательной для обеих организаций тайного общества: Северной и Южной».²⁴ Излагая содержание совещаний, происходивших в Северном обществе в 1823—1824 гг., на которых обсуждались и основные вопросы тактики, Лавров пришел к заключению, что на них «вооруженное восстание мыслилось, как единственное и неизбежное средство к достижению конечной цели».²⁵ Обращал внимание Лавров и на наличие в Северном обществе течения, придерживавшегося программы более радикальной, чем изложенная в Конституции Н. М. Муравьева.²⁶ Многие положения статьи Лаврова могут быть предметом спора, отдельные не выдерживают критики. Однако, с историографической точки зрения эта статья вносила в изучение истории Северного общества более углубленную, чем в монографии Преснякова, концепцию деятельности Северного общества как революционной организации, выступившей в таком качестве с самого момента своего возникновения. Таким образом, можно считать, что в юбилейной литературе, вышедшей к 100-летию со дня восстания декабристов, со всей отчетливостью наметился серьезный сдвиг в сторону критического

пересмотра концепции Покровского (хотя отпечаток ее влияния лежал и на книге Преснякова и на статье Лаврова) и изучения деятельности Северного общества как конспиративной революционной организации.

Несомненно, конечно, что чрезвычайно важной задачей, стоявшей перед советской исторической наукой, было развертывание работы по публикации источников по истории восстания декабристов, еще остававшихся в архивах и не знакомых широкому кругу исследователей, а тем более читателей. В решении этой важной задачи огромную роль сыграл Централархив, положивший начало многотомной фундаментальной серии «Восстание декабристов», в которую вошли ценнейшие документы, сохранившиеся в материалах следственной комиссии и суда по делу декабристов. Издание это было предпринято при деятельном участии и под редакцией М. Н. Покровского. В историографической литературе отмечалось, что в этом издании сказалась та же парадоксальная ситуация, что и в выпуске юбилейной литературы. Несмотря на то, что Северное общество в свете высказываний Покровского должно было выглядеть как менее революционное, чем Южное, большая часть томов серии «Восстание декабристов», вышедших в 1925—1929 гг., содержала документы именно по истории Северного общества. Указывая на это обстоятельство, как на «факт по-своему примечательный», С. С. Ланда дает ему и возможное объяснение, напоминая о том, что первые три тома с материалами о «северянах» были подготовлены в значительной степени еще в 1919 г. однофамильцем М. Н. Покровского А. А. Покровским.²⁷ С. Б. Окунь в свою очередь мотивировал публикацию так: «По первоначальному замыслу редакции первые тома серии должны были быть отведены славянскому и южному обществам. Однако, поскольку том, посвященный северянам, был подготовлен к печати еще в 1919 г. и с 1923 г. находился в производстве, пришлось видоизменить предполагаемый ранее порядок, что в дальнейшем несколько нарушило последовательность публикации».²⁸

I том серии «Восстание декабристов» вышел в 1925 г. и содержал следственные дела виднейших деятелей Северного общества — С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, А. А. Бестужева.²⁹ В том же году вышел и VIII том, включавший в себя «Алфавит декабристов». Указатель к нему, составленный Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом и являвшейся ценнейшим справочником и глубоким исследованием, содержал и важнейшие сведения о членах Северного общества.³⁰ В 1926 г. вышел II том. В его состав входили дела таких членов Северного общества, как А. П. Арбузов, Н. А. Бестужев, Н. А. Панов, А. Н. Сутгоф, В. К. Кюхельбекер, И. И. Пущин и др.³¹ В III томе, вышедшем в 1927 г., были опубликованы дела членов тоже Северного общества — А. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина и др.³²

В эти же годы издаются и переиздаются мемуары декабристов. Среди них записки А. М. Муравьева, И. И. Пущина, И. Д. Якуш-

кина.³³ Деятельность Северного общества рассматривалась в ряде работ (С. Гессена, Б. Грекова, А. Цейтлина, Б. Модзалевского, Н. Измайлова и др.), посвященных отдельным декабристам.³⁴

Большое значение для изучения истории Северного общества была вышедшая в 1933 г. монография Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933). Она представляла собою исследование, в котором тщательно изучались биография и взгляды Н. М. Муравьева. Фигура Муравьева была представлена Дружининым на широком фоне декабристского движения в целом и Северного общества в частности. Дружининым была внимательно проанализирована Конституция Н. М. Муравьева — один из важнейших программных документов декабристов, вокруг которого в Северном обществе шли горячие споры. Несмотря на то что по условиям того времени в книге Н. М. Дружинина можно найти отголоски оценок Северного общества, выдвинутых М. Н. Покровским, всем своим существом монография «Декабрист Никита Муравьев» была направлена против концепции М. Н. Покровского в отношении Северного общества.

Дружинин с большей последовательностью, чем это сделали А. Е. Пресняков и Н. Ф. Лавров, раскрыл процесс революционирования Северного общества. Особенно ценным было то, что Дружинин проследил радикализацию аграрной программы Н. М. Муравьева и усиление в Северном обществе республиканских тенденций. В целом труд Дружинина был направлен против обвинения членов Северного общества в «либерализме» и «процаристских» тенденциях. В статье, посвященной 90-летию со дня рождения Н. М. Дружинина, подчеркивается, что «хотя Н. М. Дружинину не во всем удалось преодолеть господствовавшие в то время воззрения М. Н. Покровского. . . , книга является крупным вкладом в марксистское изучение движения декабристов, ее выводы прочно вошли в советскую историографию».³⁵

Во второй половине 1930-х гг. преобладали труды, посвященные литературному творчеству декабристов, и среди них таких членов Северного общества, как К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер.³⁶ Вышли также сборники материалов из собраний Литературного музея и Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.³⁷

К наиболее значительным трудам историков, немногочисленным в те годы, относятся прежде всего работы М. В. Нечкиной,³⁸ в том числе написанная ею глава о движении декабристов ко II тому учебника «История СССР», вышедшему в 1940 г., где М. В. Нечкина характеризовала Северное общество как революционную организацию.³⁹

Несомненный интерес в тот период представляла и статья М. Н. Гернета о процессе декабристов.⁴⁰

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Военные условия помешали публикации новых произведений о декабристах. Но работа советских историков над этой темой не прекратилась.

В послевоенные годы мы можем отметить оживление в изучении декабристской тематики, в частности истории Северного общества и восстания 14 декабря 1825 г. Этому значительно способствовал и приближавшийся 125-летний юбилей восстания декабристов, отмечавшийся в 1950 г. Большое место Северному обществу, его программе, взаимоотношениям с Южным обществом, подготовке восстания и самому восстанию на Сенатской площади было отведено в указанном выше курсе лекций С. Б. Окуня «История СССР. 1796—1825», где, как отмечала М. В. Нечкина, тема о декабристах трактовалась «исследовательски».⁴¹ В этом курсе Северное общество рассматривалось в тесной связи с деятельностью Южного общества. Ряд существенных дополнений и уточнений был сделан при рассмотрении подготовки выступления и самого восстания 14 декабря. В связи со 125-летием восстания возобновилось прерванное в 1929 г. издание серии «Восстание декабристов» под редакцией академика М. В. Нечкиной. Тома IX—XI содержали следственные материалы членов Южного общества, но в них проводились важные свидетельства, касавшиеся и Северного общества.⁴² В серии «Литературные памятники» были изданы «Воспоминания Бестужевых» (1951). М. К. Азадовский снабдил их обстоятельными комментариями и статьей «Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник». В той же серии и том же, 1951 г., вышли «Записки И. Д. Якушкина». Ценные материалы, касавшиеся членов Северного общества, в частности письма Рылеева, были изданы Институтом русской литературы.⁴³ Письма Бестужева и Якушкина вошли в сборник «Декабристы. Новые материалы» (1955), подготовленный отделом рукописей библиотеки им. Ленина. Книги о декабристах написали также М. Ю. Барановская, К. В. Пигарев, А. Цейтлин, К. Д. Аксенов.⁴⁴ Автор книги «Северное общество декабристов» стремился прежде всего показать Северное общество как революционную организацию, выделить роль его республиканского крыла во главе с К. Ф. Рылевым. При этом, используя многочисленные документы, в то время еще хранившиеся в архивах, он, чтобы подчеркнуть эти сами по себе справедливые положения, прибег в некоторых случаях к произвольному толкованию источников и попытался без всяких оснований «развенчать» П. И. Пестеля и принизить степень революционности Южного общества. Как заметил С. Б. Окунь, «в итоге хорошее начинание превратилось в свою противоположность».⁴⁵ К сказанному С. Б. Окунем можно добавить, что предложенная К. Д. Аксеновым схема представляла собой противоположную крайность по сравнению с концепцией М. Н. Покровского, преувеличивавшим «либерализм» Северного общества.

В 1950-е гг. советские исследователи многое сделали для изучения философских, экономических взглядов декабристов, в том числе и членов Северного общества.⁴⁶

Значительное внимание было уделено и литературному наследию декабристов. В этом смысле большую ценность имели 59-й и

60-й тома «Литературного наследства»⁴⁷ и снабженное комментариями собрание сочинений К. Ф. Рылеева.⁴⁸

На протяжении многих лет, занимаясь историей движения декабристов, М. В. Нечкина выпустила в сороковые-пятидесятые годы несколько книг, занявших выдающееся место среди советских исследований, посвященных этой теме. В монографии «Грибоедов и декабристы» (М., 1947) не только раскрывались связи Грибоедова с членами Северного общества, но и содержались их яркие характеристики, представленные на фоне общей картины русского общества двадцатых годов XIX в. Ее книга «Восстание 14 декабря 1825 г.» (М., 1951) содержала много новых данных о подготовке и плане выступления, о ходе восстания на Сенатской площади. К 130-летию восстания декабристов вышла в свет двухтомная монография М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (М., 1955), наиболее значительное в советской исторической литературе исследование о декабристах, о котором С. Б. Окунь писал: «... вышла в свет обобщающая работа М. В. Нечкиной „Движение декабристов“ (объемом в 90 печатных листов) — грандиозное полотно, раскрывающее историю формирования декабристской идеологии с девяностых годов XVIII в. вплоть до сороковых годов XIX в. Этот огромный труд был итогом тридцатилетней работы автора. И поскольку здесь затрагивался весь комплекс проблем истории движения декабристов и анализировалась вся литература, это исследование следует расценить как итог советского декабристоведения».⁴⁹ Дополняя эту справедливую общую оценку труда М. В. Нечкиной, отметим, что в нем содержались наиболее обстоятельные в советской историографии и впервые введенные в научный оборот новые материалы о деятельности Северного общества, подготовки и хода восстания 14 декабря 1825 г.

М. В. Нечкина поставила перед советскими историками ряд новых проблем, и работа по изучению декабристского движения продолжалась. Так, в связи с исследованием вопроса о русских «либералистах» появились новые работы о Н. И. Тургеневе, написанные В. В. Пугачевым и В. М. Тарасовой.⁵⁰ Е. П. Оболенскому, видному члену Северного общества, посвящена книга Л. Б. Добринской.⁵¹ В серии «Узники Петропавловской крепости» изданы популярные брошюры о П. Г. Каховском, А. А. Бестужеве, С. П. Трубецком.⁵²

Стремлением по-новому взглянуть на, казалось бы, известные проблемы отличаются работы А. Б. Шешина. Внимательно занимаясь изучением революционной деятельности морских офицеров, участников движения декабристов, он высказал несколько интересных предположений. По мнению А. Б. Шешина, можно говорить о том, что еще до того, как А. П. Арбузов и А. П. Беляев установили связи с Северным обществом, в Гвардейском экипаже существовало самостоятельное, «особое, зародившееся независимо от основной линии движения (Союз спасения — Союз благоденствия — Северное и Южное общества) декабристское общество,

хотя сравнительно малочисленное и слабо оформленное в организационном отношении». ⁵³ Формально принятые в это общество А. П. Арбузов и братья Беляевы, по мысли Шешина, «составили то ядро, вокруг которого сгруппировались и другие революционно настроенные офицеры Гвардейского экипажа, позднее принявшие участие в событиях 14 декабря: В. А. Дивов, Б. А. Бодиско, М. А. Бодиско, В. А. Шпейер, В. М. Тыртов, Н. П. Акулов, Е. С. Мусин-Пушкин». ⁵⁴ Шешин доказывает также, что еще за год до восстания революционно настроенные офицеры Гвардейского экипажа стали готовить своих матросов к выступлению против существующего строя. А. Б. Шешин проделал также большую работу по изучению биографии и участия в декабристском движении К. П. Торсона, морского офицера, принятого в члены Северного общества. Он посвятил Торсону ряд работ, среди которых наиболее значительной является книга «Декабрист К. П. Торсон». ⁵⁵

В 1975 г. М. В. Нечкина выпустила в свет монографию «День 14 декабря 1825 года», целиком посвященную событиям, связанным с подготовкой Северного общества к восстанию и самому восстанию. ⁵⁶ История Северного общества и восстание 14 декабря ею же были рассмотрены в книге «Декабристы», выпущенную в 1975 г. в научно-популярной серии издательством «Наука», а затем дважды переизданную (в 1983 и в 1984 г.).

Богатый материал по истории Северного общества и восстания 14 декабря содержится в новых томах серии «Восстание декабристов»: XIV томе, вышедшем в 1976 г. и посвященном судебным делам ряда членов Северного общества, и XV и XVIII томах (вышедших в 1979 и 1984 г.), содержащих материалы, непосредственно относящиеся к событиям 14 декабря. Значительная часть материалов, включенных в XVII т., вышедший в 1980 г., и составляющих материалы Верховного уголовного суда, также связана с интересующими нас проблемами.

Заслуживают внимания исследования А. В. Семеновой об участии офицеров Кавалергардского полка в событиях 14 декабря 1825 г. ⁵⁷

Вышли в свет новые издания материалов тайных обществ и воспоминаний декабристов, в том числе и членов Северного общества. ⁵⁸ Большой интерес представляет посвященный Северному обществу том «Мемуары декабристов», составленный и прокомментированный В. А. Федоровым, а также сборник воспоминаний «Верные сыны Отечества», подготовленный и прокомментированный Л. Б. Добринской, Л. С. Семеновым. ⁵⁹ В книге А. В. Семеновой «Временное революционное правительство в планах декабристов» (М., 1982) подробно рассматривается вопрос о том, как представляли себе декабристы, в том числе и члены Северного общества, Временное революционное правительство, кого намечали они ввести в его состав. Эта работа существенно уточняет наши представления о связях Северного общества с видными сторонниками проведения в России реформ,

буржуазных по своему характеру, — такими, как М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов. Вместе с тем отдельные выводы А. В. Семеновой представляются дискуссионными, например, ее суждение о степени близости М. М. Сперанского к взглядам членов тайных обществ.

На научных конференциях, проходивших в дни 150-летнего юбилея декабристского восстания, были отмечены большие успехи, достигнутые советскими историками в изучении истории движения декабристов,⁶⁰ в частности истории Северного общества. Широко обсуждались и дискуссионные темы.

Среди спорных проблем в истории Северного общества — время его возникновения. Избрание Н. М. Муравьева одним из директоров Южного общества, по мнению Е. В. Сказина и др., свидетельствовало об отсутствии в 1821 г. в Петербурге тайного общества и о более позднем его возникновении. Е. В. Сказин полагал, что «Северное общество было организовано . . . несколько позже Южного. . . Организационная работа северян шла весьма медленно и лишь в конце 1823 года положение общества несколько упрочилось».⁶¹ По мнению А. Е. Преснякова, после Московского съезда 1821 г., несмотря на усилия Н. И. Тургенева, «в Москве и в Петербурге фактически оборвалась какая-либо деятельность тайного общества» и «весь 1822 год ушел на усилия возродить тайное общество».⁶² К. Д. Аксенов, наоборот, считал, что Северное общество «возникло вскоре после Московского съезда Союза благоденствия, состоявшегося в Москве в 1821 г.»⁶³ В курсе лекций, изданном в 1947 г., С. Б. Окунь писал о «возрожденном в 1822 г. Северном обществе в Петербурге».⁶⁴ В издании 1978 г. этот вопрос рассматривался С. Б. Окунем несколько иначе. Здесь уже речь идет о том, что «Московский съезд, ликвидировавший Союз благоденствия, явился исходным моментом для возникновения двух новых тайных организаций — Северного и Южного обществ декабристов», что «сразу же после Московского съезда, в феврале—апреле 1821 г. Н. Тургенев совместно с Н. Муравьевым предприняли в Петербурге активные действия с целью воссоздания декабристской организации».⁶⁵ На этот раз он приходит к выводу, что «оба общества возникают почти одновременно», добавляя при этом: «Однако в связи с уходом гвардии из столицы деятельность Северного общества не могла получить в это время большого размаха».⁶⁶

М. В. Нечкина в труде «Движение декабристов», ссылаясь на решение Московского съезда основать Думу тайного общества в Петербурге, на получение Н. И. Тургеневым в строго конспиративном порядке нового устава и программы, на избрание Н. М. Муравьева одним из директоров Южного общества явно не для непосредственного управления Южным обществом, а для связи с предполагаемым Северным обществом, приходит к выводу, что «Северное общество в зародыше своем возникло одновременно с Южным и мыслилось югом не как самостоятельное, а как органическая часть будущей единой системы». «В силу этого, —

продолжает М. В. Нечкина, — было бы неточным считать 1822 год годом основания Северного общества, — это лишь год усиления и активизации его работы. Возникновение Северного общества произошло почти одновременно с возникновением Южного, и их общий генезис — только совсем по-разному — связан с решениями Московского съезда 1821 г.»⁶⁷ Уточняя эту мысль и касаясь дальнейшего развития событий, М. В. Нечкина пишет: «Таким образом, Северное общество декабристов образовалось сразу после Московского съезда 1821 г., очевидно, в марте—апреле этого же года, и на первых порах возникло в виде двух сосуществующих северных „эмбрионов“. Первым из них было общество, возглавляемое Никитой Муравьевым. . . Вторым было общество, возглавляемое Николаем Тургеневым. . . Забегая вперед, заметим, что оба соперничающих „эмбриона“ весны 1821 г. вскоре уладят разногласия и сольются в одно Северное общество и что Никита Муравьев, ища единства, пододвинется к Николаю Тургеневу. Единство всей Северной организации на более умеренной платформе продержится вплоть до 1823 г., когда всю силу борьбы и революционной работы возьмет на себя более демократическое — „рылевское“ — течение».⁶⁸

Несколько иначе трактует вопрос о времени возникновения Северного общества М. В. Нечкина в «Истории СССР с древнейших времен до наших», где она пишет: «Организацию Северного общества сначала задержали привходящие обстоятельства — гвардия была в 1821 г. выведена из Петербурга и оставлена на зимовку в Литве. Только по возвращении гвардии в Петербург там образовалась инициативная группа прежних членов тайного общества, в которую, помимо Никиты Муравьева, входили бывшие основатели „Союза спасения“: С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, а также друг А. С. Пушкина Иван Пущин, Е. П. Оболенский, Н. И. Тургенев и некоторые другие. Так осенью 1822 г. возникло в Петербурге Северное общество декабристов».⁶⁹ В книге «Декабристы» М. В. Нечкина, упомянув, что «организацию Северного общества сначала задержал приказ 1821 г. о выводе гвардии в „Литву“», что участвовавший в этом походе Н. М. Муравьев после Московского съезда и до «похода в Литву» «успел переговорить с Николаем Тургеневым в Петербурге о создании тайного общества» и знал, что «Южное общество выбрало его в состав директории», что имело место и несколько «совещаний» об «устроении общества», очевидно, в марте—апреле 1821 г., далее заключает: «Северное общество возникло на первых порах в виде двух сосуществующих групп: первая — группа Никиты Муравьева. . . ; второй была группа Николая Тургенева. . .».⁷⁰ В том, что в разных работах М. В. Нечкиной встречается различный подход к вопросу о времени образования Северного общества, следует видеть еще одно свидетельство того, что и в дальнейшем возможна дискуссия между сторонниками разных точек зрения.

Представляется, что до 1822 г. правильнее говорить о том, что ряд лиц вел деятельность, направленную на создание общества

в Петербурге, не прерывалась и деятельность тех, кто был вне Петербурга. Пример тому — Н. М. Муравьев, усиленно занимавшийся своим конституционным проектом именно во время пребывания в Минске. В том, что П. Лопухин, Миклашевский, Искрицкий, Лаппа, Ф. Глинка, Данченко, Перетц, Летюхин, Жуков отошли от деятельности в тайных обществах, по нашему мнению, правильнее видеть расхождение в среде бывших членов Союза благоденствия, а не доказательство существования и деятельности Северного общества, как считает Аксенов. Лишь после того, как осенью 1822 г. возникает дума Северного общества, членами которой становятся Н. М. Муравьев, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин (последнего затем сменил С. П. Трубецкой), можно говорить об оформлении общества. С таким доводом не будут в противоречии и высказывания о том, что после Московского съезда образовалось «ядро», «эмбрион», «зародыш» общества. Ведь эти выражения можно толковать и в том смысле, что общества пока что все-таки нет.

На всех этапах истории тайного революционного движения на севере большую роль в теоретической деятельности ее членов играет «Конституция» Н. М. Муравьева. В двадцатые годы взгляд на Северное общество, как на оплот «либерализма» в движении декабристов сказался в том, что подчеркивались менее радикальный характер этого документа по сравнению с «Русской Правдой» Пестеля и преувеличивалось число сторонников программы, изложенной в проекте Н. М. Муравьева, среди членов Северного общества. Для литературы более позднего периода характерен другой подход. «Хотя „Конституция“ Никиты Муравьева была гораздо ограниченнее „Русской Правды“ Павла Пестеля, все же и ее надо признать прогрессивной: она также наносила удар средневековой, надламывала его устои — крепостное право и самодержавие — и этим продвигала страну вперед по капиталистическому пути», — пишет М. В. Нечкина и тут же продолжает: «Однако „Конституция“ Никиты Муравьева не была идеологическим документом всего Северного общества в целом. Она являлась плодом длительного и самостоятельного труда лишь одного из членов этого общества. Проект Никиты Муравьева вызвал живые споры, и обсуждение его выявило различные политические течения в среде общества, но принят он еще не был».⁷¹

Рассматривая идеологию Северного общества как сложное переплетение различных течений и настроений, советские историки подчеркивают наличие в Северном обществе сторонников установления в России республики. Эволюция Н. М. Муравьева от республиканизма к конституционной монархии ослабила его влияние в обществе и усилила роль К. Ф. Рылеева, но, как подчеркивала М. В. Нечкина, «К. Ф. Рылеев и вся группа как новых, так и старых членов Северного общества, тяготеющих к нему, вносят нечто новое в северное движение».⁷² Расстановка сил в Северном обществе в ее общих чертах раскрыта советскими историками, но ряд деталей требует еще уточнения. Есть и спорные

вопросы. Исследователи по-разному датируют вступление Рылеева в Северное общество. Как полагал К. Пигарев, это было «поздней осенью» или «в декабре 1823 года»,⁷³ по мнению К. Аксенова, — в начале 1823-го.⁷⁴ «Рылеев был, по-видимому, принят не ранее февраля и во всяком случае не позже июня 1823 г.»⁷⁵ — пишет М. В. Нечкина. В статье «Рылеев», помещенной в 16 томе «Советской исторической энциклопедии», вышедшем в 1969 г., говорится, что Рылеев вступил в Северное общество осенью 1823 г.⁷⁶

Словом, необходима дальнейшая работа по уточнению ряда обстоятельств, связанных с историей Северного общества. Вполне естественно, что и в исторических, и в литературоведческих трудах Рылееву при изучении последнего этапа истории Северного общества отводится большое место. Но именно в этой связи бросается в глаза недостаточное внимание исследователей к другим деятелям Северного общества. На это обратила внимание Л. Б. Добринская в своей работе о Е. П. Оболенском. Она полагает, что «во многом Оболенского-декабриста, члена Северной думы, организатора восстания, заслонила колоритная фигура К. Ф. Рылеева. На фоне этой выдающейся личности значение деятельности Оболенского в исторической литературе как-то смазалось, потерялось».⁷⁷ Заметим со своей стороны, что перед историками стоит серьезная задача — написать если не книги, то обстоятельные статьи и о других членах Северного общества. Ведь до сих пор нет монографии об И. И. Пущине. Заслуживает к себе более внимательного отношения и сложная фигура С. П. Трубецкого. Для выяснения его роли в движении декабристов много сделали историки, создавшие общие труды о декабристах, в особенности М. В. Нечкина. Однако, единственным специальным исследованием о Трубецком до сих пор является упомянутая выше работа Н. Ф. Лаврова более чем пятидесятилетней давности, требующая и дополнений, и уточнений, и исправлений.

Выступая против крайностей и преувеличений в противопоставлении Северного и Южного обществ, свойственных М. Н. Покровскому, советские историки не обходят стороной трудности и сложности, существовавшие во взаимоотношениях между северянами и южанами. 1823-й и 1824-й — годы частых встреч членов Северного общества с представителями южан. Важное значение придается пребыванию П. И. Пестеля в Петербурге в марте—апреле 1824 г., спорам вокруг «Русской правды», аграрного вопроса, республиканской формы правления. Признается, что контакты с южанами способствовали росту радикальных настроений в Северном обществе. Вместе с тем отмечаются имевшиеся расхождения — создание Пестелем в Петербурге своего рода филиала Южного общества, неудовольствие северян действиями Пестеля, переговоры Трубецкого с С. И. Муравьевым-Апостолом о совместных действиях, их согласие принять идею республиканской конституции.

Такие непредвиденные обстоятельства, как смерть Александра I, возникновение междуцарствия, известие о том, что доносы

предателей попали в руки правительства, заставили членов Северного общества принять решение о начале восстания в день «переприсяги» — 14 декабря 1825 г. В изучение этого важнейшего события движения декабристов большой вклад внесла М. В. Нечкина. Значительное место в своих исследованиях она отвела вопросу о планах декабристов накануне выступления 14 декабря, рассмотрев в тесной связи и те задачи, которые они ставили перед собой в случае успеха восстания, и их план действий, непосредственно направленный на захват власти. Так, предполагалось во главе гвардейских полков выйти на Сенатскую площадь, силой оружия заставить сенаторов отказаться от присяги Николаю и издать революционный манифест. Заметим, что манифест, черновик которого был обнаружен в бумагах Трубецкого, объявлял «уничтожение бывшего правления», учреждение временного революционного правительства, ликвидацию крепостного права, провозглашение гражданских свобод, замену правительственных чиновников выборными, введение гласного суда присяжных, уничтожение рекрутчины и введение всеобщей воинской повинности, сложение подушных податей и «недоимок по оным».

Предметом известной дискуссии было толкование вопроса об основной направленности обнаруженного при обыске в бумагах Трубецкого и написанного его рукой «Манифеста к русскому народу». Например, С. Б. Окунь так аргументировал свою точку зрения: «То, что вопрос о целесообразности конституционно-монархической формы правления в этот момент находился для части северян под большим сомнением, — факт бесспорный, но республиканские тенденции также еще не восторжествовали. Вопрос о форме правления к моменту восстания оставался открытым. И, учитывая это обстоятельство, Трубецкой, составляя программу манифеста, который предполагалось опубликовать от имени Сената после успешного восстания, исходил из возможности введения как республиканского, так и конституционно-монархического строя. Манифест должен был провозгласить „уничтожение бывшего правления“ и „учреждение временного, до установления постоянного выборными“. Но означает ли это введение республиканского строя или речь идет о выборе представительных учреждений при монархе — на основе этих данных сказать нельзя».⁷⁸ М. В. Нечкина, подчеркивая «большое идеологическое значение манифеста к русскому народу в истории движения декабристов» и сопоставляя его с «известными нам конституционными проектами», указывает, что нельзя найти «полного совпадения ни с одним из них». Тут же она анализирует содержание Манифеста и «Конституции» Н. М. Муравьева: «... Манифест, оставаясь в рамках дворянской революционности, пошел значительно дальше Конституции Никиты Муравьева... Восставшие пошли под лозунгами, ушедшими дальше этой Конституции». И далее: «Он движет исторический процесс вперед, нанося серьезный удар по устарелому и тормозящему историческое развитие России феодально-крепостному строю; он уничтожает крепостное

право и сословность, слагает подушные подати и недоимки, разгоняет старых чиновников, вводит буржуазные свободы, новый суд, новое устройство армии и для окончательного определения оснований нового строя созывает учредительное собрание». ⁷⁹ По поводу того, республику или конституционную монархию предусматривает Манифест, М. В. Нечкина замечала, что, по мнению участников движения, среди которых были сторонники и той и другой формы правления, существовало убеждение, что этот вопрос должен решить Великий собор. ⁸⁰

С. Б. Окунь в новом курсе пересмотрел точку зрения, ранее изложенную им в издании 1947 г., и высказал предположение, что и самый текст Манифеста дает основание для суждений, какой государственный строй будет установлен в результате успешного выступления. Он писал: «Первый и второй пункты Манифеста провозглашали „уничтожение бывшего правления“ и „учреждение временного, до установления постоянного“. „Уничтожение бывшего правления“ вряд ли можно трактовать в том плане, что окончательное решение вопроса — будет ли в России установлена ограниченная монархия или республика — подлежало суждению Учредительного собрания. Хотя в программе, изложенной в Манифесте, республиканский строй не провозглашался, а сделано это было для того, чтобы новая форма государственного устройства не могла быть расценена как насильно навязанная, но, по существу, здесь все было подготовлено к ее установлению. В том государственном строе, который устанавливался Манифестом, монарху, даже при максимальном ограничении его прав, места не оставалось. Прежде всего, здесь речь идет не об ограничении старого правления, а о его полном уничтожении и о замене его выборным». ⁸¹

Новая точка зрения, предложенная С. Б. Окунем, стала достоянием широкого круга историков лишь в 1976 г. спустя 4 года после смерти автора, когда вышло в свет посмертное издание 2-й части курса его лекций, посвященной 1812—1825 гг. По этой причине ее не смогла учесть М. В. Нечкина, опубликовавшая в 1975 г. свою монографию «День 14 декабря 1825 года». В ней она повторила положения, изложенные в ее книге «Восстание 14 декабря 1825 г.», вышедшей в 1951 г., и в двухтомнике «Движение декабристов». Таким образом, монография М. В. Нечкиной «День 14 декабря 1825 года» и посмертно изданный курс лекций С. Б. Окуня предлагают два варианта трактовки Манифеста к русскому народу, оба из которых дают основание для дальнейшего изучения этой проблемы.

О событиях 14 декабря 1825 г. написано много, и общая картина их широко известна, вместе с тем не все обстоятельства, порой и существенные, до конца еще выяснены. Судебное следствие не занимал вопрос о развитии событий. Написанные спустя многие годы воспоминания не лишены субъективности и неизбежных неточностей. Немало противоречий и в дошедших до нас показаниях посторонних свидетелей.

Реконструкции хода восстания на Сенатской площади советскими историками было уделено большое внимание. Начало ему положили Г. С. Габаев и А. Е. Пресняков. В дальнейшем этим вопросом много занимались М. В. Нечкина и С. Б. Окунь. Л. С. Семенов и Л. Б. Смирнова остановились специально на разборе свидетельств о ходе восстания, содержащихся в мемуарах декабристов.⁸²

В своем подавляющем большинстве советские историки выступили против трактовки восстания 14 декабря, как заведомо обреченного на неудачу, а его организаторов, как людей, сознававших неизбежность поражения.

Еще Пресняков, полагавший, что накануне выступления члены Северного общества находились в сложной ситуации, все же не считал ее абсолютно безнадежной. Он писал: «Так весь учет сил — и количественный и качественный наводил на большие сомнения. Однако это не убивало надежд на успех выступления».⁸³ Решительно отвергает мысль о руководителях Северного общества, как людях, шедших на безнадежное дело, М. В. Нечкина: «Совершенно необосновано мнение, будто они знали, что идут на верную гибель. Нет, они знали о грозящих опасностях и возможности личной гибели, но верили в возможность успеха дела».⁸⁴

Большое место советские историки отвели в своих трудах выяснению настроений толпы, собравшейся на Сенатской площади и прилегавших к ней улицам. Особенно внимательно изучила этот вопрос М. В. Нечкина, которая заключила, что «народ пришел сам в огромном количестве и занял сочувственную позицию», что «собравшаяся на площади толпа проявляла признаки понимания событий и заняла бесспорную позицию сочувствия восстанию».⁸⁵ В тесной связи с выяснением настроений собравшегося народа и его активного сочувствия восставшим находится и уточнение понятия «дворянская революционность», определение содержания и присущей ее носителям классовой ограниченности. Анализируя обстановку, сложившуюся на Сенатской площади, М. В. Нечкина полагает, что «активность народа испугала дворянских революционеров», что «декабристы боялись активности народа и стремились не потерять инициативной позиции, боялись, что народное восстание перехлестнет через их цели», в силу чего они «оберегали солдат от народа, препятствовали намечающимся связям, стремились к разъединению двух волн восстания — солдатской и народной».⁸⁶ Подчеркивая, что «горячее сочувствие восставшим проявляли и народные массы», С. Б. Окунь напоминает, что из 420 тыс. человек, составлявших население Петербурга в 1825 г., 68 % падало на трудовую его часть, т. е. крестьян, дворовых, разночинцев и проч.⁸⁷ Он писал также, что «жители Петербурга внимательно следили за развертывающимися на их глазах событиями», что «народ ждал событий, и при первом же известии о выступлении солдат толпы горожан ринулись к центру восстания», что собравшаяся на площади «толпа стремилась к активным действиям, желая помочь восставшим».⁸⁸ С. Б. Окунь

также останавливается на проблеме дворянской ограниченности. Отметив, что «одним из ее проявлений» в 1825 г. «была ставка на военное восстание, не опирающееся на широкое массовое движение»,⁸⁹ он приводит слова В. И. Ленина: «Особенно интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно».⁹⁰

Положив в основу своих исследований ленинскую концепцию движения декабристов, советские историки воссоздали общую картину восстания 14 декабря и раскрыли его значение как первого в истории России революционного выступления. В ходе дальнейших исследований предстоит продолжить изучение ряда общих и частных проблем, связанных с этим событием, уточнить некоторые факты и цифры. Так, до сих пор единственным специальным исследованием военной стороны восстания 14 декабря остается работа Г. С. Габаева, изданная почти 60 лет тому назад и при всех ее достоинствах требующая и дополнений, и поправок. Ряд уточнений к отдельным положениям Г. С. Габаева был сделан в трудах по истории восстания 14 декабря. Так, М. В. Нечкина полагает, что вывод Г. С. Габаева о разделении гвардии «на два враждебных стана» «требует серьезной оговорки». Академик М. В. Нечкина считает, что «основной антагонизм разделял стан императора и его приспешников, с одной стороны, и восставшую солдатскую массу, возглавленную дворянскими революционерами, — с другой. По этой линии и шло основное разделение противников на два стана, а не по линии, делившей солдатскую массу на два враждебных лагеря. Солдатская же масса императорской стороны явно колебалась».⁹¹ М. В. Нечкина полагает также возможным уточнить некоторые детали, связанные с выступлением лейб-гренадеров⁹² и возражает против предложенного Г. С. Габаевым отнесения финляндцев, пошедших за А. Е. Розеном, к разряду нейтральных.⁹³ Были и другие дополнения к работе Г. С. Габаева. Вместе с тем необходимо вернуться к обстоятельному разбору восстания 14 декабря с чисто военной точки зрения. Кстати и Г. С. Габаев смотрел на свою работу лишь как на начало исследований в этой области.⁹⁴

Требуют обстоятельного критического комментария и некоторые документы, содержащие фактический материал о 14 декабря, как, например, сводка жертв, составленная С. Н. Корсаковым. Надо сказать, что мнение М. В. Нечкиной о том, что этот «документ» вызывает «наибольшее доверие»,⁹⁵ без должных обоснований представляется неубедительным.

Сведения об убитых военных выглядят правдоподобными только в двух случаях, когда Корсаков пишет, что убиты были один генерал и один штаб-офицер. Остальные цифры выглядят

просто фантастическими. Откуда взялись 17 убитых обер-офицеров?⁹⁶ Все известные до сих пор источники свидетельствовали только о трех раненых обер-офицерах, перечисленных при этом поименно: Н. А. Игнатьев, А. П. Галахов, П. А. Гастфер.⁹⁷ В лейб-гвардии Конном полку, как было известно до сих пор, был смертельно ранен лишь один рядовой П. М. Панюта.⁹⁸ Корсаков же утверждает, что в этом полку были убиты 17 нижних чинов и т. д. На фоне таких цифр о жертвах среди военных вызывают сомнения и приведенные Корсаковым данные о числе убитых «во фраках и в шинелях», «женска пола», «малолетних» и «черни».⁹⁹

Таким образом видно, что при подготовке новых исследований, посвященных истории Северного общества и восстания 14 декабря 1825 г., предстоит еще решить ряд частных и общих проблем, связанных с изучением движения декабристов. Новые труды советских историков позволяют продолжить и развить большую работу, проделанную на основе ленинской концепции движения декабристов советскими историками за годы Советской власти.

¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 32—43; Окунь С. Б. Движение декабристов в советской исторической литературе. — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967, ч. 1, с. 83—106; Бескровный Л. Г. Проблемы историографии движения декабристов. — В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981, с. 258—262; Ланда С. С. Академик М. В. Нечкина — исследователь движения декабристов. — Там же, с. 269—295; Аксенов К. Д. Северное общество декабристов. Л., 1951, с. 19—29.

² Покровский М. Н. 1) Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920, ч. 1/2, с. 165—173; 2) Декабристы: легенда и действительность. — В кн.: Русская история с древнейших времен: В 4-х т. М., 1933, т. 3, с. 251—269.

³ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924, с. 27.

⁴ Покровский М. Н. Декабристы. . . , с. 260, 261—263, 267.

⁵ Сыромятников Б. И. Последний дворцовый переворот. (К столетию восстания декабристов). — Право и жизнь, 1926, № 4, с. 3—15.

⁶ Окунь С. Б. Движение декабристов. . . , с. 94.

⁷ Габаев Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. — В кн.: Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926, с. 153—206.

⁸ Сказин Е. В. Восстание 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1925, с. 8.

⁹ Габаев Г. С. Указ. соч., с. 155.

¹⁰ Пресняков А. Е. Указ. соч., с. 152.

¹¹ Там же, с. 25—51. Об освещении движения декабристов в трудах А. Е. Преснякова см.: Ракитин С. А. Оценка А. Е. Пресняковым политических программ декабристов. — В кн.: Из истории общественно-политической мысли России XIX века: Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1985, с. 35—51.

¹² Пресняков А. Е. Указ. соч., с. 31—32.

¹³ Там же, с. 35.

¹⁴ Там же, с. 35—46.

¹⁵ Там же, с. 46.

¹⁶ Сказин Е. В. Указ. соч., с. 8.

¹⁷ Пресняков А. Е. Указ. соч., с. 143.

¹⁸ Окунь С. Б. Движение декабристов. . . , с. 94.

¹⁹ Нечкина М. В. Рец. на кн.: Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926, 226 с. — Печать и революция, 1927, кн. 1, с. 154—155.

²⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 34; Окунь С. Б. Движение декабристов. . . , с. 94.

²¹ См.: *Лавров Н. Ф.* Диктатор 14 декабря. — В кн.: Бунт декабристов: Юбилейный сб. 1825—1925 / Под ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголева. Л., 1926, с. 129—222.

²² *Окунь С. Б.* История СССР. 1796—1825. Л., 1947, с. 469.

²³ *Лавров Н. Ф.* Указ. соч., с. 167.

²⁴ Там же, с. 168.

²⁵ Там же, с. 180.

²⁶ Там же, с. 173, 174, 179.

²⁷ *Ланда С. С.* Указ. соч., с. 270.

²⁸ *Окунь С. Б.* Движение декабристов. . . , с. 91.

²⁹ Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. I. 540 с.

³⁰ Восстание декабристов. М.; Л., 1925. 432 с.

³¹ Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. II. 424 с.

³² Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. III. 446 с.

³³ *Муравьев А. М.* Записки. Пгр., 1922. 48 с.; *Муравьев-Апостол М. И.* Воспоминания и письма. Пгр., 1922. 96 с.; *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925. 221 с.; *Якушкин И.* Записки. М., 1926. 192 с.; Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: В 2-х т. М., 1931, т. 1. 459 с.; М., 1933, т. 2. 453 с.

³⁴ *Гессен С. Я., Коган М. С.* Декабрист Лунина и его время. М., 1926. 312 с.; *Греков Б.* Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в. — Иав. АН СССР. Сер. 7, 1932, № 6, с. 481—520; № 7, с. 623—648; *Цейтлин А.* Творческий путь К. Ф. Рыльева. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 223—283; *Модзалевский Б. И. И.* Пушкин. Новые письма и другие материалы. — В кн.: Памяти декабристов. Л., 1926, т. 3, с. 1—86; *Измайлов Н. В. А. А.* Бестужев до 14 декабря 1825 г. — В кн.: Памяти декабристов. Л., 1926, т. 1, с. 1—99.

³⁵ *Рыбаков Б. А., Княпина Н. С., Ковальченко И. Д.* К 90-летию академика Н. М. Дружинина. — История СССР, 1975, № 6, с. 223.

³⁶ *Одоевский А. И.* 1) Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л., 1934. 490 с.; 2) Стихотворения. Л., 1936. 153 с.; *Рыльев К.* 1) Полн. собр. стихотворений. Л., 1934. 575 с.; 2) Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. 908 с.; *Кюхельбекер В.* 1) Лирика и поэмы. Л., 1939, т. 1, LXXX+481 с.; 2) Драматические произведения. Л., 1939, т. 2. 492 с.

³⁷ Декабристы: Летописи Гос. Лит. Музея. М., 1938; Декабристы. М., 1939. 566 с. (Всесоюз. б-ка им. Ленина. Зап. отд. рукописей: Вып. 3).

³⁸ *Нечкина М. В.* 1) Ленин о декабристах. — Фронт науки и техники, 1935, № 5/6, с. 29—37; 2) Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского. — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. М., 1939, с. 332.

³⁹ История СССР. М., 1940, т. 2, с. 155—162.

⁴⁰ *Гернет М. Н.* Процесс декабристов и уголовная практика Николая I. — В кн.: Проблемы социалистического права. М., 1938, сб. 4, с. 128—170.

⁴¹ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. 1, с. 37.

⁴² Восстание декабристов. М., 1950, т. IX. 307 с.; 1953, т. X. 334 с.; 1954, т. XI. 436 с.

⁴³ Декабристы и их время. М.; Л., 1951. 383 с.

⁴⁴ *Барановская М. Ю.* Декабрист Николай Бестужев. М., 1954. 294 с.; *Пигарев К. В.* Жизнь Рыльева. М., 1947. 256 с.; *Цейтлин А.* Творчество Рыльева. М., 1955. 304 с.; *Аксенов К.* Северное общество декабристов. Л., 1951. 320 с.

⁴⁵ *Окунь С. Б.* Движение декабристов. . . , с. 100.

⁴⁶ *Пажитнов К.* Экономические воззрения декабристов. М., 1945. 103 с.; *Покровский С. А.* Политические взгляды декабристов. — Советское государство и право, 1951, № 4, с. 51—60; *Боровой С.* Декабристы о кредитах и банках. — Деньги и кредит, 1951, № 1, с. 31—36; *Щипанов И.* Философские воззрения декабристов. — В кн.: Из истории русской философии XVIII—XIX вв. М., 1952, с. 85—124; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. 461 с.

⁴⁷ Декабристы-литераторы. М., 1954, т. 1. 805 с. (Литературное наследство; Т. 59); 1956, т. 2, кн. 1 (674 с.) и кн. 2 (462 с.) (Литературное наследство; Т. 60).

- ⁴⁸ Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956. 442 с.
- ⁴⁹ Окунь С. Б. Движение декабристов... с. 102.
- ⁵⁰ Пугачев В. В. К вопросу об отношении Н. И. Тургенева к тайному обществу. — Учен. зап. Горьков. ун-та, 1964, вып. 72, с. 132; Тарасова В. М. Происхождение либеральной концепции декабризма. — В кн.: История и историки. М., 1966, с. 313.
- ⁵¹ Добринская Л. В. Декабрист Евгений Оболенский. Л., 1971. 36 с.
- ⁵² Подгорный И. А. П. Г. Каховский. Л., 1965. 36 с.; Смирнов И. С. А. А. Бестужев. Л., 1965. 39 с.; Васильев А. С. П. Трубецкой. Л., 1965. 36 с.
- ⁵³ Шешин А. Б. Декабристское общество в гвардейском морском экипаже. — Исторические записки. М., 1975, т. 96, с. 121.
- ⁵⁴ Там же, с. 122.
- ⁵⁵ Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ, 1982. 192 с.
- ⁵⁶ Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М., 1975. 400 с.
- ⁵⁷ Семенова А. В. Кавалергарды — члены тайного общества в день 14 декабря 1825 года. — История СССР, 1979, № 1, с. 192—199.
- ⁵⁸ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. 480 с.; Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, т. 1. 409 с. Воспоминания А. Е. Розена подготовлены и прокомментированы Г. А. Невелевым, воспоминания С. П. Трубецкого — Л. П. Павловой.
- ⁵⁹ Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. 400 с.; Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л., 1982. 400 с.
- ⁶⁰ Семенова А. В. 150-летие восстания декабристов. Конференции в Москве и Ленинграде. — История СССР, 1976, № 3, с. 203—206.
- ⁶¹ Сказин Е. В. Указ. соч., с. 8.
- ⁶² Пресняков А. Е. Указ. соч., с. 32—34.
- ⁶³ Аксенов К. Д. Указ. соч., с. 110.
- ⁶⁴ Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825, с. 426.
- ⁶⁵ Окунь С. Б. История СССР. Лекции. Л., 1978, ч. 2, с. 162, 163.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 340.
- ⁶⁸ Нечкина М. В. Там же, с. 342.
- ⁶⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. 4, с. 186.
- ⁷⁰ Нечкина М. В. Декабристы. 2-е изд. М., 1984, с. 62, 63.
- ⁷¹ История СССР с древнейших времен... т. 4, с. 195.
- ⁷² Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 27.
- ⁷³ Пигарев К. Указ. соч., с. 111.
- ⁷⁴ Аксенов К. Д. Указ. соч., с. 141.
- ⁷⁵ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 7.
- ⁷⁶ Рылеев Кондратий Федорович. — В кн.: Советская историческая энциклопедия. М., 1969, т. 12, с. 423.
- ⁷⁷ Добринская Л. Б. Декабрист Евгений Оболенский, с. 9.
- ⁷⁸ Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825, с. 460.
- ⁷⁹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 230—233.
- ⁸⁰ Там же, с. 234.
- ⁸¹ Окунь С. Б. История СССР. Лекции, ч. 2, Л., 1978, с. 206.
- ⁸² Семенов Л. С., Смирнова (Нарусова) Л. Б. Восстание 14 декабря 1825 г. в воспоминаниях участников. — Вестник ЛГУ, 1976, № 2, с. 48—56.
- ⁸³ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года, с. 88.
- ⁸⁴ Нечкина М. В. Восстание декабристов, т. 2, с. 204.
- ⁸⁵ Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 г. 2-е изд., с. 217, 286.
- ⁸⁶ Там же, с. 217, 218.
- ⁸⁷ Окунь С. Б. История СССР. Лекции, ч. 2, с. 212.
- ⁸⁸ Там же, с. 212—213.
- ⁸⁹ Там же, с. 230.
- ⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 318.
- ⁹¹ Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. 2-е изд., с. 230.
- ⁹² Там же, с. 272.

⁹³ Там же, с. 283.

⁹⁴ *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года, с. 156, 206.

⁹⁵ *Нечкина М. В.* 1) День 14 декабря 1825 года. 2-е изд., с. 320; 2) Декабристы. 2-е изд., с. 117.

⁹⁶ *Канн П. Я.* О числе жертв 14 декабря 1825 г. — История СССР, 1970, № 6, с. 115.

⁹⁷ *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 г., с. 191.

⁹⁸ Там же, с. 190.

⁹⁹ *Канн П. Я.* Указ. соч., с. 115.